

Наталия Грачева

Перипетии судьбы

Рассказы

Наталия Грачева

Перипетии судьбы

«Издательские решения»

Грачева Н.

Перипетии судьбы / Н. Грачева — «Издательские решения»,

Каждый человек, проживая на Земле, проходит свой собственный путь, и путь этот уникален как для самого человека, так и для мира в целом. Жизненные уроки даются нам не в наказание, а в назидание. Об этом и говорит в своих рассказах автор.

© Грачева Н.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. На краю...	6
Душка	6
Выкуп	13
«Не хочу...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Перипетии судьбы

Рассказы

Наталия Грачева

© Наталия Грачева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. На краю...

Душка

Этот американский профессор покори́л всех и сразу. И не только, вернее, не столько многочисленными подношениями всем без исключения сотрудникам музея, сколько добрым нравом, искромётным юмором и свежестью мышления, несмотря на свой, далеко не юный, возраст. А было ему полных шестьдесят пять. И хоть носил он выбеленную сединой, как и его волосы, аккуратно подстриженную бородку, выглядел значительно моложе своих лет – не больше чем на сорок восемь-пятьдесят, напоминая своей добродушной улыбкой с хитринкой Санта Клауса. Ко всему, иностранец прекрасно говорил по-русски

Музейщики боготворили его, называя и в шутку и всерьёз своим благодетелем, но чаще всего из их уст звучало: «Он такой душка...»

«Музейные» дамы от самых юных до почтеннейших, все поголовно, были влюблены в профессора этнографии из американского штата Орегон.

Сотрудники краеведческого музея с удовольствием пили за здоровье своего мецената чай «Твинз», запакованный в жестяные баночки различных цветов, привозимый американцем в музей целыми коробками. Благодаря Роберту Причардсу (так звали профессора) краеведы впервые вкусили вино «Молоко любимой женщины», помещённое в бутылки необычного – синего цвета, отведали конфеты «Моцарт» с изображением композитора на золотистом фантике. А личного водителя этнограф заполучил в своё полнейшее распоряжение, проголосовав на дороге пачкой сигарет «Мальборо».

Все, от мала до велика, едва ли не молились на иностранца, искренне радуясь его успехам. Вообще, в те, девяностые, годы абсолютное большинство населения Советского Союза преклонялось перед Западом, зачастую принижая собственные достижения. Многолетняя изоляция привела к убеждению, что за границей не может родиться ничего дурного, сколько бы ни показывали в новостях протестных демонстраций или реакционных действий западных стран по отношению к другим, менее развитым, государствам. Народ Союза Советов верить в эту чушь не желал, потому что выезжавшие за бугор соотечественники рассказывали такие чудеса про иной мир, что своя, в общем-то, вполне предсказуемая и недорогая жизнь казалась полной нищетой во всех ее проявлениях. И не только достижения легкопрома зарубежных стран привлекали советских людей. (Олицетворением этих достижений для многих наших людей в то время были жвачки и джинсы). Западные свободы и демократия привлекали всех тех, кто жаждал открыто выражать свои мысли и путешествовать по миру без каких-либо препон.

В отличие от российских коллег американский профессор оказался невероятно богатым человеком. По его рассказам почти во всех столицах Европы и мира у него имелось собственное жильё, где он периодически останавливался ради своей научной деятельности. В Орегоне же, если верить рассказам иностранца, у него располагался дом аж на четырнадцать комнат, что в американских реалиях означало четырнадцать спален. Сколько всего там насчитывалось помещений, можно было только догадываться. Хозяин дома шутил, будто всё время забывает, что у него в какой комнате находится. Уборкой «хауса», даже в его отсутствие, занималась нанятая для этой цели молодая китайка.

Имелась у этнографа квартира и в Москве. И можно было ничуть не сомневаться, что во всех городах, где профессору приходилось останавливаться, женщины не оставляли его без внимания. Однако любовь свою Роберт Причардс повстречал на Урале, куда впервые приехал, чтобы познакомиться с местными старообрядцами. Губернская столица, где отыскал свое сча-

стве американец, лишь незадолго была открыта для посещения иностранцев, поэтому встреча двоих людей оказалась самым настоящим счастливым случаем.

Для сопровождения чужестранца к староверам снарядили весьма представительную экспедицию – первые лица центрального краеведческого музея, преподаватели ВУЗов, руководители всех рангов, переводчик со стажем и ещё какие-то молодые люди – красивые, общительные, интересующиеся всем и всеми. Эти люди помогали экспедиции больше в технической части. Позднее музейщики к удивлению своему осознали, что о себе за всю поездку молодые мужчины никому ничего так и не поведали, поэтому все дружно решили, что то были добрые друзья общительного «Душки».

На дворе стоял январь. На улице звенел «похрустывающий» мороз, а местность, куда направлялось почтенное собрание, находилась севернее областного центра, соответственно климат там был ещё более суровым, а температуры ожидалось более низкими и могли достигать сорока градусов минус по Цельсию.

Дабы не заморозить иностранца, снабдили его кто чем мог – кто-то одолжил меховую шапку и шерстяные варежки, другие раздобыли тулуп и валенки. Однако, увидев впервые в своей жизни обувь ручной работы из овечьей шерсти, американец наотрез отказался надевать их. «Я в носках на улицу не пойду», – упёрся он. Но поддавшись, в конце концов, на уговоры, отходя по морозу целый день и ничуть не замёрзнув, он определил им почётное место на большом обеденном столе. Американец обнимал валенки, приговаривая: «Любимые мои, хорошие мои, как здорово вы меня согрели».

Поменял профессор отношение и к другому предмету гардероба российского сельчанина, когда пожелал помочь с дровами хозяину дома, в котором остановились на постой. В огромном, тяжелом белом овечьем тулупе он лишь намучил себя и дрова. Видя тщетность его усилий, хозяин выдал американцу почти новенький ватник, в котором управляться с дровяным делом стало куда как проще.

В общем и целом экспедиция прошла успешно. «Экспедиционный корпус» отметил, насколько серьезно профессор вникал в проблемы обычных людей. Он долго и настойчиво расспрашивал староверов, довольны ли они своим житьем-бытьем. Рассказал о благополучной жизни старообрядцев в его родном штате. И был заметно обескуражен, что, несмотря на довольно скромное существование, люди не сетовали на власть, а готовы были стоически переносить все бытовые тяготы в отличие от их либеральных сограждан, проживавших в городе в несравнимо лучших условиях.

В том разговоре, возможно, впервые прозвучало сочетание слов «Уральская республика». Пусть в шутку, но именно американец «заложил» эту идею в головы местной интеллигенции. Мнения присутствовавших разошлись тогда: кто-то готов был немедленно броситься на баррикады, чтобы бороться за отделение от Союза, кто-то посчитал, что в большом государстве выжить все-таки легче, другие же сомневались. Роберту даже пришлось успокаивать не на шутку разошедшееся собрание. Так и не придя к консенсусу, спорщики решили в присутствии иностранца более страстей не нагнетать, тем паче, что их путешествие подходило к концу. На прощание этнограф пообещал уральским старообрядцам привезти к ним последователей старой церкви из своего родного Орегона. И уже через год своё обещание выполнил.

Результатами поездки все оказались удовлетворены, но особенно довольными выглядели американский профессор и симпатичная сорокапятiletняя заведующая реставрационными мастерскими Надежда Васильевна, от которой профессор практически не отходил с самого первого посещения музея. Женщина она была весьма миловидная, легкая, светлая, одевалась в такие же легкие и светлые наряды. Смотрела на иностранца, впрочем, как и многие, широко раскрытыми глазами, в небесной голубизне которых читалась готовность к служению мужчине. Американские и европейские дамы давно уже не глядели на сильный пол с таким почтением.

Служение, особенно в Европе, стало уделом мужчин, вероятно, потому что процент мужского населения там намного превышает женское.

К удовольствию окружающих, погасить огонёк влюблённости у парочки не получалось, поэтому отношения их стали достоянием общественности ещё до отправки в экспедицию. Надежда Васильевна настолько расцвела и похорошела, что вызывала зависть, а иногда и откровенную враждебность некоторых музейных дам, считавших себя, по всей вероятности, более достойными кандидатурами для близкого общения с иностранцем. Но влюбленные будто и не замечали этого, просто наслаждались свалившимся на них счастьем. Жизнь их связалась настолько прочно, что уже через полгода американец «переташил» свою неожиданно образовавшуюся «любовь» в Москву, купив для неё квартиру в неплохом районе и даже найдя место реставратора в одном из престижнейших музеев столицы. А до того он успел улучшить ее жилищные условия в родном городе. Ко всему, в условиях тотального дефицита он оставил «однушку» на зависть всем новой мебелью и импортными бытовыми приборами. Надежде Васильевне оставалось только украсить жилище по своему вкусу.

Приглашенные американцем на Урал староверы из заокеанского штата Орегон – Сильвестр и жена его Настасья – говорили на непривычном для современного русского уха старинном наречии. Одна пожилая сотрудница музея вспоминала, что так говаривали старые бабки в их деревне. В отрыве от корней язык будто законсервировался, остановился в развитии, правда, при этом он был перенасыщен огромным количеством американизмов, вернее сказать, английских слов и выражений.

В отличие от наших староверцев, сложивших свои исторические костюмы в окованные железом сундуки и комоды, американские одноверцы повсеместно одевались в народные костюмы. Сильвестр носил косоворотки невероятных цветов, например, василькового или лимонного, а Настасьин сарафан был скроен из современного розового шёлка красивого узорчатого тиснения. Но главное было не это. У обоих (в начале девяностых-то!) имелись мобильные телефоны, а у Сильвестра был даже ноутбук. И вообще, несмотря на необычный для современного российского человека вид, оба вели себя крайне раскрепощённо.

И никак не могла понять Настасья, почему это в одном из московских бутиков продавцы не пожелали показать ей приглянувшийся платок, мол, всё равно не купите. Сотрудницам музея пришлось объяснять русской американке, что, скорее всего, из-за необычного для начала девяностых наряда её приняли за деревенскую жительницу – в нашей стране в то время, как правило, безденежную. Иностранку это очень удивило и оскорбило.

В свою очередь советские староверы лишь подивились электронным игрушкам, не более того. Для них они являлись, как и телевизор, «порождением бесовских сил». А вот их американских единоверцев, несмотря на принадлежность к строгой вере, трудно было заподозрить, как впрочем, и других их соотечественников, в излишней скромности. Даже высокие бизнесмены, кои в большом количестве хлынули в Россию в годы перестройки, вели себя довольно бесцеремонно.

– Какой у вас красивый свитер, – порадовал комплиментом свою переводчицу заокеанский гость.

– Только свитер? – решила пококетничать девушка.

– А я ещё не видел, что там у вас под ним, – будто раздевание являлось само собой разумеющимся делом, отвечал американец.

Работавшая на одном из предприятий военно-промышленного комплекса, которых на Урале всегда было в избытке, переводчица рассказывала, как однажды ей вместе с представителями госбезопасности пришлось буквально отлавливать «из всех щелей» членов американской делегации, прибывшей на завод в составе комиссии по разоружению. Стоило девушке отвлечься на минуточку, как кто-нибудь обязательно утягивался куда не следует.

Про американские ноги на столе все слышали, наверное... А теперь присовокупите к ним размер обуви не меньше сорок шестого, нашу любимую осенне-весеннюю грязь на ней и всё это удовольствие прямо перед вашим носом. И это без каких-либо, даже минимальных, преувеличений.

Свободные люди, проживавшие в свободном обществе, запретов знать не желали. Советские люди смущались, удивлялись и одновременно восхищались непосредственностью зарубежных гостей.

Наш этнограф отличался вполне себе пристойным поведением с точки зрения советской морали. Но и он не «парился», ежели опаздывал, например, к поезду. Чтобы было проще найтись в толпе, профессор становился на крышу собственного автомобиля с радиотелефоном в руке и преспокойненько дожидался, когда его заметят. А то, что его увидят, сомнений быть не могло – мужчину весом килограммов в сто тридцать и ростом под сто девяносто не заприметить было сложно. Американец не стеснялся «отлить» в кустах, коли приспичило, потому что в городские туалеты того времени даже наши, привычные ко всему, люди заходили, зажав нос, а уж иностранцы предпочитали терпеть до гостиницы, нежели посещать заведения с «очком».

Со временем Роберт Причардс окончательно обосновался в Москве вместе со своею возлюбленной Надеждой Васильевной и приезжал на Урал всё реже, в основном, по значимым для города поводам, всегда с подарками, конечно же. Рассказывал, что вплотную занялся проблемами мигрантов из бывших советских республик, в которых в отличие от уральских староверов, люди не желали мириться с жизненными трудностями.

Музейщики и другие друзья «Душки» не переставали восхвалять его «огромное сердце», не забывая при этом перевести в денежный эквивалент усилия профессора по спасению согнанных с насиженных мест граждан. У всех округлялись глаза даже от приблизительных подсчетов его затрат. Ну, никак не вязались эти цифры с зарплатными возможностями людей интеллигентских профессий тогдашней России.

Но вот однажды по городу прошёл слухок, что Роберта Причардса выслали из страны в двадцать четыре часа как американского шпиона. Общественность была не просто взволнована, она была ранена в самое своё сердце и, несомненно, крайне возмущена: как выслан?! за что?! Он столько сделал и делает для людей! И чего им там не хватает в этой их КЭГЭБЭ? Разве перестройка – время для репрессий?

Кто-то проведал и о том, что бывшая заведующая реставрационными мастерскими при краеведческом музее собралась последовать за своим возлюбленным в далекую Америку. И будто бы даже они поженились вскоре. Позднее неведомым образом из-за океана стали приходить весточки, из которых явствовало, что живет Надежда Васильевна в том самом доме, о котором все были наслышаны от хозяина оногo, будто питается только в ресторанах и путешествует по всему белу свету вместе со своим супругом. Думаю, не одна наша соотечественница позавидовала ей тогда.

А через шесть лет Надежда Васильевна Причардс – бывшая заведующая реставрационными мастерскими – неожиданно объявилась в родном музее, яркая, ухоженная, но одна, без супруга, что поначалу привело в уныние весь музейный штат. Но и новоиспечённая американская гражданка, увы, не выглядела счастливой.

К неудовольствию бывших коллег она рассказывала какие-то небылицы про свою «половину»: будто бы лишившись работы и вынужденно уйдя в отставку, их «Душка», Роберт Причардс, стал скрюгой каких свет не видывал, что стал нервным, суетливым, часто просто злым. Не давал жене выбрасывать мусор в собственный бак, заставляя её выносить отбросы в соседский ящик, по причине того, что вывоз бытовых отходов надо было оплачивать. Супруга почти каждый день рисковала не просто репутацией, но и свободой, потому что в любое время могла быть задержана полицией и посажена за решётку за столь недружественный акт.

В доме Роберт тоже установил режим жёсткой экономии. Он выкрутил все, как ему показалось, лишние лампочки, чтобы экономить электричество. Супруге его пришлось трудиться в малоосвещенном помещении, что со временем начало сказываться на ее зрении. Отказал он и уборщице в работе. Теперь у него была русская жена, привычная к домашнему труду, поэтому не было нужды тратить на прислугу. И, несмотря на то, что Надежда Васильевна как пчела трудилась на дому, восстанавливая сантиметр за сантиметром дорожные натуральные, иногда очень древние, иранские или туркменские ковры, за что получала немалые деньги, в сложившихся обстоятельствах она вынуждена была делать уборку в четырнадцати комнатах самолично. Восстановление десяти квадратных сантиметров артефактного полотна американскими реставраторами обходилось заказчику в три тысячи долларов, а эмигрантка из России выполняла тот же объем работы за тысячу, но все равно это был серьезный вклад в бюджет семьи.

Про рестораны к тому времени супруги забыли напрочь. Обедали либо дома, либо в системе быстрого питания, при этом Роберт не жалел ни сил, ни времени на поиски самых дешёвых бургеров. Иногда бензин съедал всю разницу в цене, но раз за разом профессор без устали гонял по округе на своем автомобиле в поисках скидок, лишь бы сэкономить доллар-другой.

Надежда Васильевна поначалу очень любила своего супруга. В буквальном смысле смотрела ему в рот, ловила каждое слово, искренне смеялась шуткам. Она не замечала ни разницы в возрасте, ни особенностей американского менталитета. И вообще, никаких недостатков в своем избраннике она не видела.

Любящая женщина поддержала мужа и тогда, когда в один прекрасный момент его обвинили чуть ли не в измене Америке за то, что тот за долгие годы работы в Союзе полюбил его гостеприимный многонациональный народ, восхищался тем, что на обширной территории такие разные внешне люди говорили на одном языке, понимали друг друга и жили понятиями любви, уважения и дружбы, невзирая на национальную принадлежность. Роберт Причардс открыто заявлял на своих лекциях и в частных беседах, что никакой угрозы миру Советский Союз не представляет, что единственным желанием его правителей и простых людей является спокойная жизнь и развитие экономики страны. Бытуя в весьма скромных условиях, люди мечтали о великом: о космосе и приручении атома, об океанских глубинах и освоении Арктики.

Такое мнение об «империи зла» шло вразрез с основной линией Государственного департамента. И, дабы не взрастить в своих стенах очередного «крота», семидесятилетнего разведчика в срочном порядке торжественно проводили на пенсию, заодно запретив ему и преподавательскую деятельность.

После отлучения от работы, когда двери официальных учреждений и большинства частных домов закрылись перед Причардсом, он будто с катушек слетел. Его вдруг одолел страх нищеты. Будучи хорошо осведомленным о незавидной судьбе большинства бывших военных в своей стране, он заранее боялся остаться на старости лет без средств к существованию.

Надежда Васильевна успокаивала мужа, говорила, что в Америке они могут вполне себе пристойно жить даже без больших гонораров, а уж если ему так плохо дома, то можно вернуться в Россию, забыв, что путь туда ее супругу был заказан из-за прежней активной деятельности на благо Штатов и, как показали дальнейшие события, во вред СССР.

Роберт лишь злился на жену за ее рассуждения, говорил, что она-то в своей нищей России привыкла голодать и не замечать этого, а его брэнному телу ни холодный климат, ни оскудное существование показаны не были.

За первый год, что Роберт прожил на пенсии, Надежда Васильевна наплакалась всласть. Она удивлялась, как в одном человеке уживалось столько противоположных качеств: вроде бы любящий мужчина – и домашний тиран, благотворитель – и себялюб, радетель за добрые

искренние отношения – и непримиримый борец за американские идеалы, то есть достижение материального благополучия любой ценой.

Женщина была благодарна мужу за то, что показал ей мир, и в той, советской жизни, помогал чем мог, но и она не выдержала постоянного гнобления. К тому же, так и не выучив как следует английского языка, она все меньше понимала своего супруга, потому что то ли из-за возраста, то ли по лености тот стал намного хуже говорить по-русски.

Музейные работники не могли поверить в рассказанное об их любимом «Душке». Но еще большим потрясением для них стало то, что Роберт Причардс и в самом деле оказался агентом американской разведки, с некоторых пор в отставке, и что все квартиры, которыми он пользовался, принадлежали не ему, а организации, на которую он работал.

«Так вот откуда столько денег у так называемого профессора», – шептались в музее. Впрочем, одно другому не мешало, профессором Роберт был настоящим: читал лекции в университетах за хорошую плату, что для прикрытия своей основной «профессии» было очень даже удобно. Не правда ли?

Однако, главным фактором, приведшим супругов к разладу в отношениях, оказалась даже не скупость Роберта и не его деспотизм по отношению к супруге. В большей степени разошлись супруги по причине идеологических разногласий и, в первую очередь, из-за разного понимания роли Советского Союза во Второй Мировой войне. Каждая советская семья потеряла в той войне не одного своего родственника, поэтому советские люди воспринимали ее как кровную – Отечественную, не только по разнарядке сверху, но и по зову души.

Американцы же, не ведавшие, что такое военные действия на собственной территории аж с девятнадцатого века, были абсолютно уверены, что без их участия ни одна война на Земле не выигрывалась, и Вторая Мировая, конечно же, не стала исключением.

Но вернемся к Причардсам. Для того чтобы обратить супругу в свою веру, Роберт притаскивал книги американских и других западных историков, в которых писалось, что это союзники СССР внесли основной вклад в победу во Второй Мировой войне. Супруга поначалу лишь посмеивалась над подобными статейками. Но когда муж отыскал учебник, в котором чёрным по белому было написано, что наша страна воевала на стороне Гитлера, Надежда Васильевна не выдержала. Она заявила своему «Душке»: «Я – русская и русской останусь. И не выброшу на свалку память о своих обоих дедах, дяде и бабушке, погибших в той войне. И не тебе с твоим Госдепом судить о том, кто в ней победил. Это наши солдаты, а не ваши американские предки, вынесли на своих плечах многолетние тяготы той страшной войны и победили. А вы тогда, как проститутки, до последнего ожидали, на чьей стороне перевес будет и кто побеждать начнет. Да если бы наши войска не подошли практически к самому Берлину, вы никогда бы и не высадились. И вообще... Не хочу я больше есть ваши гамбургеры!» – в запале добавила она.

Следует заметить, что не одна Надежда Васильевна развелась тогда с супругом по столь одиозному для западного человека поводу. Многие русские женщины и представительницы других бывших советских республик нередко расставались с иностранными мужьями по той же причине, а украинские «гарны дивчины», в жилах которых бурлит южная казацкая кровь, были в первых рядах оных.

Только теперь, после рассказа Надежды Васильевны, музейная общественность догадалась, что услужливые молодые люди в той приснопамятной этно-экспедиции были сотрудниками КГБ. Припомнили они и то, что общительный профессор по обыкновению с шутками да прибаутками обихаживал исключительно представителей военных предприятий, всячески угождая и развлекая их. Кто-то напомнил музейщикам, сколько внимания уделял он бытовым проблемам старообрядцев, будто подталкивал тех к выражению недовольства. Он же испод-

воль подсказал и путь к лучшей доле, а именно, путь борьбы за выход из Союза. Не зря позднее, где бы он, или такие, как он, ни появлялись, там обязательно возникал пожар революции: в Таджикистане или Киргизии, Молдавии или Туркмении, и даже в Татарии разыгралась нешуточная борьба за независимость, а на Кавказе разгорелась самая настоящая горячая война со всеми вытекающими последствиями. Народы, веками жившие дружно бок о бок, будто озверели – вырезали или убивали другими способами русских и друг друга. В какой-то мере повезло тем советским людям, вне зависимости от национальности, кто в одночасье выехал в большую Россию, бросив нажитое десятилетиями.

Наша героиня, Надежда Васильевна, оказалась воистину русским человеком. Не знаю, как для других народов, а для русского душой человека просто быть сытым совершенно недостаточно. Мы говорим здесь не о национальности, а о том духе, который даже в сказках зовется русским. Нутро нашего человека должно быть востребовано, то есть постоянно трудиться – выкристаллизовываться, иначе он не может ощущать себя по-настоящему счастливым. Возможно, отсюда и растут корни известной во всём мире ностальгии выходцев из России. Не одними удобствами, однако, жив человек: сытая утроба и заморские одежды сами по себе никого не делают счастливыми. Слепое повиновение и подчинение власть предержащим ради выхолощенной бездумной жизни – не для всех. Без любви, взаимоуважения, самореализации и самоотдачи благополучная жизнь не приносит полноценной радости человеку, во всяком случае, по духу – русскому.

1.09.2014 г.

Выкуп

Семен Аркадьевич отправился в путь с огромной суммой денег – десять тысяч долларов США. Всю дорогу он ужасно переживал за свой багаж, боялся выпустить его из виду хоть на минуту. Слишком многое зависело от этих злосчастных бумажек. Ехать ему предстояло с пересадкой в Москве. Мужчина страшился той пересадки, потому что хорошо понимал, что если не доведет деньги до адресата, жизнь его семьи разрушится окончательно и бесповоротно. Эта клетчатая хозяйственная сумка, подобная тем, с которыми мотались за товаром челночники, только меньше размером, была его единственной надеждой. За себя пожилой мужчина не боялся. Лично ему хуже быть все равно уже не могло. «Главное – довести деньги, – как мантру повторял про себя очень сдавший за последнее время шестидесятишестилетний музыкант, державшийся единственно потому, что не должен был показать слабость своим женщинам – жене и невестке, которым тоже приходилось несладко в этот сложный период жизни их семьи. – И пусть все, кому должно, вовремя явятся на встречу».

Яков Каплан, интеллигентный молодой человек, по профессии энергетик, а по воле перестроечной судьбы начинающий бизнесмен, торгующий электрооборудованием от лампочек и розеток до целых подстанций, поехал в Киев в командировку в самый разгар весны тысяча девятьсот девяносто пятого года, когда город, благоухая весенними ароматами, расцвел всеми красками прямо на глазах. Задачу, которую ему предстояло решить, нельзя было назвать слишком сложной. Украинские партнеры шли на все условия оговоренного и составленного заранее контракта, поэтому оставалось лишь его завизировать.

Вот только жаль было, что жена Ира не смогла поехать вместе с ним. Прогулялись бы по солнечному Крещатику до Майдана Независимости, «шоппинганули» бы в местных магазинчиках. Супруга давно хотела побывать в столице Украины. Но не вышло – работа не отпустила.

Украинские друзья скучать Яше не давали. По принятому в девяностые «малиновыми пиджаками» обычаю, дела обсуждались, в основном, в клубах и саунах. В этом братья по крови ничуть не отличались от русских мужей – не пьешь, значит, камень за пазухой держишь, а следовательно, и дел с тобою лучше не иметь.

Для пешей прогулки по знаменитой цветущей каштановой аллее минуты свободной не оставалось. В конце концов, Яков, воспитанный в творческой атмосфере и стремящийся насладиться красотами Софийского собора, взмолился:

– Все, друзья мои, ша! Дайте отдохнуть от вашего «отдыха». Хочу побродить по улочкам, полюбоваться киевскими красотами...

– Дак ща мы тэбе усе покажемо, – начал было огромного роста круглоголовый украинский партнер, но Яков решительно остановил его:

– Нет-нет. Я хочу побыть один, пройтись по Андреевскому спуску, купить подарки своим...

Украинцы, несколько удивившись вкусам брата из России, однако, смиловались и подкинули молодого мужчину до метро, пообещав подъехать наутро к гостинице, чтобы лично доставить его на железнодорожный вокзал.

В доме Семена Аркадьевича Каплана раздались короткие гудки междугороднего звонка. Отец обрадовался – сын не забыл набрать его перед обратной дорогой домой. В радостном возбуждении схватился он за трубку.

Звонили и впрямь из Киева, но из речи говорившего, взволнованно-сбивчивой и приправленной множеством украинских слов и русских жаргонизмов, пожилой человек понял одно – Яша пропал, и со вчерашнего дня его никто из знакомых не видел.

– Надо в милицию... – заволновался Семен Аркадьевич.

– Они уже в курсах, – ответил голос в трубке, – розыск объявили... А може, у нього ще хтось є у Києве? – поинтересовался затем киевлянин.

– Да не-ет. Не знаю...

У Семена Аркадьевича ослабели ноги, неожиданно прошиб пот, руки предательски задрожали, едва не выпустив телефонную трубку. А когда раздались гудки отбоя, он не сразу попал в пазы на стареньком аппарате, поэтому пару раз трубка едва не свалилась на пол.

Сообщить новость жене Семен Аркадьевич побоялся из-за ее больного сердца, да и как матери можно было выдержать такое потрясение: единственный сын пропал? Однако держать все в себе тоже было невыносимо, поэтому после долгих колебаний мужчина набрал невестку Иру.

Девушка она была довольно крепкая и решительная. И хоть хозяйка из нее вышла далеко не идеальная (сыну Яше зачастую приходилось самому выполнять «женскую» работу по дому), свекор и свекровь полюбили ее за прямодушие, искренность и желание заботиться о других, поэтому, когда Семен Аркадьевич начинал ворчать по поводу уборки, жена не раз останавливала его сногшибательным аргументом: «Сема, ты что хочешь? Чтобы сын наш жил с уборщицей или с любимой женщиной?»

Тридцатилетняя Ира Каплан работала медиком в зоне и могла дать отпор любому зарвавшемуся заключенному. Сидельцы побаивались ее острого язычка: фельдшерица быстро ставила на место любого, точно определяя слабые места каждого.

Но и она, сильная женщина, не смогла сдержать эмоций в такой острый момент. Голос в трубке, обычно звонкий и уверенный, выдал ее с головой: звучал непривычно глухо и надтреснуто. Не на шутку расстроившаяся невестка посоветовала Семену Аркадьевичу ничего пока не предпринимать и уж тем более ничего не говорить свекрови:

– Подождите. Может, найдется еще... Чего зря волновать больного человека? Надо сначала в Киев съездить, разузнать все. В конце концов, это не Чечня. Может, и обойдется еще все, – успокаивала она скорее себя, нежели свекра.

– Да-да, Ирочка, ты права, как всегда, – Семен Аркадьевич ухватился за ее слова, как за страховочный трос.

Слова эти и впрямь несколько приободрили его, внушили надежду на лучший исход. «Да пусть бы уж Яша изменил жене, что ли, и остался бы у какой-нибудь красотишки... Лишь бы живой... и здоровый. Господи! Ничего нет хуже, чем пребывать в неведении».

И хоть Семен Аркадьевич и согласился с невесткой, но слонялся по дому без какого-либо дела, не очень умело пытаясь скрыть от жены свои истинные чувства.

– Сема, ты как будто сам не свой сегодня. Даже не репетировал еще... Что-то случилось? – заметила его неприкаянность супруга.

– Да нет, Шурочка, ничего. Все хорошо. Просто не люблю, когда кто-то из близких уезжает из дому надолго.

– С каких это пор? – удивилась супруга. – Сам-то сколько раз уезжал, не помнишь? Сколько я тебя прождала из этих твоих творческих командировок... Вот хоть теперь ты меня поймешь.

Пару раз в отсутствие жены Семен Аркадьевич набрал Киев, но ни украинские коллеги сына, ни тамошние правоохранители ничем его не порадовали.

Ждать долее было невыносимо, поэтому он, концертмейстер первых скрипок, правая рука дирижера, вынужден был оставить оркестр в разгар подготовки к летнему турне. И лишь руководителям театра и оркестра поведал он о причине своего срочного отъезда. Конечно,

не отпустить в таких обстоятельствах его не посмели, но поездку пришлось отложить на пару дней из-за привычной бухгалтерской волокиты.

А накануне отправки в Киев в доме Капланов раздался второй звонок. По счастью, в семье Семена Аркадьевича давно повелось, что он сам подходил к телефону, во-первых, потому что ему чаще звонили, а во-вторых, потому что жена все время была занята по хозяйству. Так что и второй звонок остался для его супруги незамеченным.

На другой стороне провода человек по-русски, с ярко выраженным украинским акцентом, произнес следующее:

– Слухай сюда, батя. Если хошь увидеть сына живым, приезжай в течение недели у Киев на переговоры.

– На этой неделе? Конечно-конечно, я постараюсь... Я приеду!

– Добре. Только не опаздывай.

«Как хорошо, что я уже купил билеты на поезд. Как раз за три дня и доберусь, – порадовался Семен Аркадьевич, – а то когда бы еще выехал...»

Семья его, как и многие в тот перестроечный период, жила небогато (пожилой человек всю свою жизнь посвятил музыке, работал первой скрипкой в театре оперы и балета, а жена – учительница химии – давно уже пребывала на пенсии), поэтому лететь самолетом было дороговато. В период первой чеченской кампании заработки тружеников культуры и образования были символическими.

В Израиль, как сделали многие из их соплеменников, Капланы уехать так и не решились, в большей степени потому, что дома у сына дела в бизнесе неожиданно пошли в гору. Доходов больших он пока не получал – почти все, что зарабатывал, вкладывал в бизнес, поэтому до олигархов ему было ой как далеко, а вот к только нарождающемуся среднему классу, если бы все продолжалось в том же русле, должен был непременно вскоре примкнуть.

Измученная неизвестностью невестка Ира, которой Семен Аркадьевич сообщил о звонке похитителей, бросилась немедленно собирать чемоданы, чтобы лично отправиться в Киев. Но свекор был непреклонен:

– Нет-нет. Поеду я. Тебе же спокойнее будет, если дети и мать останутся под надежным присмотром. Что-то Шурочка мне в последнее время совсем не нравится: будто почувствовала неладное – мучается аритмией.

Супруге Семен Аркадьевич вынужден был солгать, что Яшина командировка затянулась и что сын попросил приехать – привезти кое-какие документы, необходимые в переговорном процессе. Когда мужчина произносил эти слова, сердце его сжималось от боли: если бы только супруга знала, в каких переговорах предстояло ему участвовать!..

Семен Аркадьевич, невысокого роста, полноватый, седой как лунь, с аккуратной шкиперской бородкой, обычно вальяжный, знающий цену себе и своему таланту, любивший публику и с удовольствием принимавший знаки внимания поклонников, наверное, впервые в жизни старался остаться незамеченным и избегал лишних взглядов.

Он быстро нашел скромную киевскую кофейню, где было назначено «свидание» с переговорщиками. Располагалась она на одной из окраинных улочек украинской столицы. Хотя время было раннее – всего десять утра, а аудиенция должна была состояться лишь вечером, мужчина не решился отсрочить свое появление в кафе, боясь по собственной вине пропустить встречу, в которой был заинтересован больше других.

Семен Аркадьевич присидел, опустив голову в горьких думах о судьбе сына, с единственной остывшей чашкой чая до самых сумерек. Иногда на него накатывала волна паники: грезилось, что никто не придет или что с сыном случится непоправимое, и тогда руки его с длинными музыкальными пальцами начинали дрожать. На подушечках первых пальцевых фаланг навечно поселились мозоли, натертые струнами во время многочасовых занятий на скрипке.

Чтобы унять тремор, Семен Аркадьевич крепко сцеплял руки в замок. Силой воли заставлял себя не думать о плохом.

К счастью, персонал кафе его не беспокоил, будто знал, для какой цели находился там мужчина, но популярные мелодии, льющиеся с экрана единственного телевизора, диссонировали с настроением музыканта, еще больше вгоняя его в тревожную печаль.

Точно в назначенное время появились они – четыре человека, определенно проводившие немало времени на свежем воздухе: лица их были обветренными и очень загорелыми, чего нельзя было сказать о шее и запястьях, которые нет-нет да выглядывали из-под одежды. Трое переговорщиков между собой говорили по-украински, а один, судя по виду и акценту, был кавказцем. Пожилой человек отметил для себя: «А ведь зря мы с Ирой отмели чеченский след».

С первых же минут парламентарии приступили к делу:

– Ну, ты уже понял, наверное, что твой сын у нас.

– А где... где он находится? – голос мужчины не мог скрыть волнения.

– Он в отряде одного из наших полевых командиров. Это все, что тебе надо знать, – ответил кавказец, который в этой четверке, вне всякого сомнения, был за главного.

В подтверждение своих слов он дал несчастному отцу посмотреть фотографии, на которых Яша выглядел очень бледным и уставшим, но, к радости родителя, живым. К фото прилагалось письмо, в котором сын просил помочь ему: «Пап, ты не волнуйся. Со мной все в порядке. Я в Чечне. Помоги».

Раз за разом пожилой человек перечитывал строчку из знакомых закорючек-букв, расплывавшихся из-за наворачнувшихся на глаза слез. Он крепко держался двумя руками за столик, будто боялся упасть со стула. Придя, наконец, в себя, медленно и заторможенно, на одной ноте, он спросил:

– А как я узнаю, что с ним все в порядке? – Семен Аркадьевич побоялся произнести вслух «что он жив еще».

В ответ заговорила рация, и среди сплошного треска ухо мужчины уловило знакомые интонации:

– Пап, ты заплати им, сколько попросят. Если не хватит денег, продайте все, что можно. Потом заработаем. Ты Ирке не говори ничего, сам поезжай... И еще... в милицию не ходи, а то меня не отпустят.

«Сказал уже... и Ире, и милиции уже все известно», – пронеслось в голове Семена Аркадьевича.

Когда коротенький сеанс связи окончился, отец схватился за рацию, находившуюся в руках одного из переговорщиков, в надежде еще раз услышать родной голос, но боевик довольно грубо оттолкнул мужчину.

Озвученная сумма выкупа превысила самые смелые предположения пожилого человека. Десять тысяч долларов были совершенно неподъемными для его семьи, тем не менее, Семен Аркадьевич, не задумываясь, пошел на все условия шантажистов. На передачу денег в Чечне он должен был явиться лично, а на поиск означенной суммы ему отвели всего месяц. Сразу после того, как отыщутся деньги, пожилой музыкант должен был отправиться в Грозный, позвонив прежде по телефонному номеру, продиктованному кавказцем.

Семен Аркадьевич почти не задавал вопросов. Казалось, что ответы на все случаи жизни были заранее заготовлены его оппонентами. Единственное, что спросил у вымогателей несчастный отец:

– Скажите, почему именно мой сын...?

– Потому что русский, – ответил кавказец.

– Русский... еврей, – хохотнул один из украинцев.

Из этих слов Семен Аркадьевич заключил, что на месте Яши мог оказаться любой россиянин.

Уходя, вымогатели предупредили:

– И чтоб не смел даже смотреть в сторону милиции, если хочешь получить сына целиком, а не по частям.

И почему-то слова их сомнений у Семена Аркадьевича не вызвали.

– Мы в любом случае заработаем на твоём сыне. На органы распродадим, если что. Так что, хорошо подумай, батя, что для вас обоих лучше, – смягчая букву «г», для пущей убедительности добавил один из украинцев.

Конечно, после таких слов обращаться за помощью к силовикам пожилой человек не посмел бы ни за какие блага мира.

Семен Аркадьевич метался по городу в поисках денег: обзванивал друзей и знакомых не только в родном городе, но и по всей стране, и рад был любой, даже самой малой, сумме. У музыканта было много знакомых, но большинство из них также барахтались, как лягушки в молоке, чтобы, взбив его в сметану, однажды выплыть на поверхность. Достаточно самолюбивому человеку, фавориту местных театралов, некогда единственному и балованному родителями ребёнку, пришлось забыть о своей гордыне. Для того чтобы высвободить сына из плена, мужчина шел на поклон к самым неприятным людям, но к концу означенного срока деньги были собраны полностью. К счастью, наши люди в большей своей массе все еще отзываются на чужое горе, особенно те, кто и сам не слишком-то преуспел в зарабатывании капиталов.

Время шло. Яша все не появлялся в доме родителей, поэтому Семену Аркадьевичу ничего не оставалось, как сообщить жене о случившемся. Скрывать правду о сыне далее не представлялось возможным. Как и предполагал супруг, материнское сердце не выдержало – она слегла. Оставлять больную без помощи было рискованно, поэтому свекор уговорил невестку, рвущуюся лично передать деньги вымогателям, позаботиться о жене, как до этого пресек попытку отправиться за советом к коллегам из системы наказания. При здравом рассуждении нарушить требования переговорщиков Капланы не посмели – в Грозный поехал Семен Аркадьевич. Долго спорили, в чем везти деньги. Сначала музыкант хотел сложить их в скрипку, но жаль было потерять инструмент, в лучшие годы подаренный государством за заслуги перед культурой. К барсетке мужчина приучен не был, а красивый кожаный портфель сразу привлек бы внимание криминальной публики, потому выбор пал на клетчатую «челночницу».

Больше всего Семен Аркадьевич боялся не донести деньги до места назначения, поэтому практически не спал на всем протяжении пути, глядя в безмолвное окно. Картины, представавшие перед глазами, впервые не ассоциировались у него со звуками, им присущими. Но не только оконное стекло, отгораживавшее стремительно пролетающий внешний мир от людей, находящихся внутри поезда, явилось причиной этого безмолвия. Для того, у кого с самого раннего детства этот мир отражался в звуках, неожиданно наступила напряженная внутренняя тишина, будто великолепный музыкальный слух его просто взял и пропал.

Еще младенцем Сема полюбил игрушки с приятным мелодичным звучанием и отвергал те, что издавали ужасающе громкие для него звуки. Он очень радовался выбиваемому ритму и абсолютно точно повторял его. Сенечка не выносил примитивных попсовых песен и наслаждался, наряду с детскими мелодиями, музыкой симфонических и камерных оркестров. Все окружающее пространство было наполнено для мальчика музыкой: шелестом травы, пением птиц, налетевшим ветерком, кукареканьем петухов и лаем собак, доносившихся из расположенного по соседству с его многоэтажным микрорайоном частного сектора, звоном ножниц над головой в парикмахерской, царапаньем мелка по школьной доске, шарканьем по кухне постаревшей за годы, но по-прежнему любимой мамы, а позднее смехом и плачем маленького сынишки.

Но теперь все звуки мира для мужчины исчезли, а те, что время от времени врываются в безмолвный мир, обрели невероятно устрашающий оттенок. Семен Аркадьевич будто перестал слышать хорошее, доброе, поэтому любой шорох превратился для него в нечто пугающее. Он вздрагивал от каждого, даже не слишком громкого, звука: от крика ребенка, жестко поставленного на столик стакана или бряцанья ложки в нем, от неожиданного басовитого: «Счастливого пути!»

В разговоры плацкартного вагона пожилой пассажир не вникал. Все его мысли крутились вокруг одного: как там Яша? И лишь отдельные звуки, всегда внезапно, возвращали его к действительности. Питался Семен Аркадьевич заготовленными Ирой бутербродами и даже по нужде отлучался всего один раз, и то, когда был совершенно уверен, что все пассажиры плацкартного купе находились в поле зрения друг друга и похитить сумку с деньгами могли только по всеобщему сговору. На преступников его соседи, вернее, соседки, похожи не были – ехали каждая по своим делам, по большей части за украинскими продуктами.

И все же под утро, когда людской сон бывает особенно крепок, пожилой человек забылся, как ему показалось, на минуточку, но, проснувшись, сумки с деньгами на месте не обнаружил. Семен Аркадьевич слышал собственный крик, когда возвращался в реальность. Окончательно очнувшись ото сна, он бросился к своему баулу и... выдохнул с облегчением – все было на месте: «У-уф! Привидится же такое...»

По прибытии в Грозный Семен Аркадьевич поначалу растерялся. В какой стороне практически полностью уничтоженного войной города находилась чайная, где ему предстояло встретиться с шантажистами, он не знал. По телефону было сказано одно: «От вокзала не уходи». Неизвестность тревожила. Не хватало еще затеряться в разбомбленном авиацией и «Градом» городе вместе с выкупом. С трудом заставив себя успокоиться, Семен Аркадьевич решил поспрашивать в редких заведениях общепита. В конце концов, ему повезло: в одном небольшом домашнем кафе, расположенном неподалеку от вокзала, ему предложили подождать, намекнув, что если он кому-то нужен, то его обязательно найдут именно здесь.

Подсевшие к столику через пару часов, по виду, местные жители, довольно молодые, но все при бородах, сразу предупредили:

– Тихо сиди! А это, – один из них показал головой на нечто под столом, – на случай, если привел за собой хвост.

Семен Аркадьевич поднял скатерть и увидел направленный на него ствол. В видах огнестрельного оружия он не очень-то разбирался, поэтому так и не понял, что это было – пистолет или что другое. Бежать он все равно никуда не собирался.

Когда пожилой человек передавал клетчатую сумку с огромной суммой заокеанских денег совершенно незнакомым людям, он абсолютно не был уверен, что обмен состоится, но всячески гнал от себя дурные предчувствия. Взамен котомки с деньгами боевик вложил ему в руку листок с адресом:

– Здэс жди.

По адресу, который мужчина нашел не сразу среди царившего вокруг хаоса и разрушения, располагалась так называемая частная гостиница, где Семен Аркадьевич и поселился на неизвестный срок, все время пытаясь бороться с мыслями наподобие: «А вдруг... А вдруг обманули? А вдруг за это время что-нибудь случилось с Яшей? Вдруг не получится доставить его в Грозный, ведь, похоже, здесь они нелегально? И что делать, если обманули? В милицию же не пойдешь. Раньше надо было...»

Чтобы меньше думать о плохом, пожилой человек отправился в город, где люди приводили в порядок то, что еще можно было прибрать и починить после отхода чеченских воинских формирований, включавших наемников с разных концов мира, в том числе и из братских Белоруссии и Украины. Пожилой человек, редко за свою жизнь державший что-нибудь увеси-

стее скрипки, присоединился к жителям Грозного. Он брался за любую, даже самую тяжелую, работу в желании помочь людям как можно быстрее вернуться к нормальной жизни. Там, дома, он не очень-то ценил то, что называется миром и покоем: из-за нехватки денег порой приходил в отчаяние, но теперь отчетливо понимал, насколько здорово было иметь возможность окунуться взглядом в синь по-настоящему безмятежного неба. Вне всякого сомнения, криминальный террор первых лет перестройки поселил страх в душах людей, однако, они имели возможность вести более или менее привычный образ жизни, ограничивая себя лишь в вечерних и ночных прогулках, а здесь, в Грозном, люди вздрагивали от каждого мало-мальски громкого звука и тревожно вглядывались в безоблачную высь. Чеченцы поначалу с недоумением и недоверием поглядывали на седовласого незнакомца, своими не приспособленными к физическому труду холеными руками вместе со всеми разбиравшего завалы, но затем подружились с русским, поделились с ним хлопчатобумажными рабочими перчатками и даже угостили его во время перерыва кто чем смог.

Семен Аркадьевич решил для себя, что будет выходить на уборку улиц каждый день, пока не решится вопрос с Яшей, и чем больше времени проведет он в многострадальном городе, тем больше пользы принесет его мужественно переносящим испытания жителям.

Но уже через день, после завтрака в крошечном помещении кухни, расположенном на первом этаже гостинички, поднявшись в свою комнату, называемую хозяевами номером, чтобы переодеться перед выходом на уличные работы, он обнаружил дверь незапертой. Сначала постоялец подумал, что в комнате орудует уборщица, но, увидев ее выходящей из номера напротив, насторожился: «Кто там? Чего кому-то тут надо? Неужели Якова не отпустили и хотят еще денег?» Чего только не подумалось Семену Аркадьевичу в этот момент. В конце концов, он решительно распахнул дверь и... к своему изумлению и непередаваемой никакими словами радости, обнаружил в номере совершенно измотанного, сильно похудевшего, с истончившимся лицом, но все-таки безумно счастливого сына.

– Папа! Папа, спасибо! – с рыданиями бросился он в объятия отца.

– Да какое спасибо, сынок? Ты жив... Какое счастье! Жив! – плакал вместе с ним отец.

– Па-а-па, – Яков явно смаковал слово, которое, наверное, не произносил с такой нежностью и теплотой никогда прежде. Семен Аркадьевич тоже не мог наглядеться на сына, гладил его трясущимися от волнения руками по впавшим щекам и заросшему подбородку, придававшему Яше непривычно взрослый вид.

Звуки приходившего к мирной жизни города враз преобразились в восприятии старика. Музыкой отдавались в его сердце выкрикивания местного зазывалы, призыв муэдзина к молитве, истошные вопли ишака и даже звуки автомобильных клаксонов.

– Все! Пора домой. Сейчас поешь... и в путь. – Семен Аркадьевич не хотел оставаться в Грозном более ни минуты. Схватил в кассе первые попавшиеся билеты на поезд. По иронии судьбы спасительным для отца и сына оказалось украинское направление железной дороги, хорошо еще, не киевское.

До отхода поезда оставалось немного времени, и Яков в общих чертах рассказал отцу о своем заточении. Он постарался уберечь родного человека от деталей пребывания в плену. Во всех подробностях обрисовал лишь то, как попал в руки боевиков. Случилось это в том самом переходе, где его высадили украинские партнеры. Как только Яков спустился в тоннель, на него напали четверо, и после одного, но сильного и поставленного удара по голове, он потерял сознание, а пришел в себя уже по дороге в Чечню. Далее была яма, в которую ему сбрасывали пластиковую бутылку с водой на день, еду же опускали на веревке. На вопрос отца о том, как с ним обращались, Яша не среагировал, словно и не слышал его.

– Ты, сынок, не переживай за меня. Я сильный. Расскажи мне все как есть – тебе же легче станет, – Семен Аркадьевич попытался вызвать сына на откровенность, но тут зазвонил телефон.

– Да. Хорошо. Приду, – ответил он собеседнику, затем повернулся к Яше и сказал: – Из милиции позвонили, киевской. Говорят, на твой след напали, даже свидетеля похищения нашли...

Впервые за долгое время мужчины рассмеялись от души.

– А почему ты не сказал, что нашел меня? – продолжая смеяться, спросил Яша.

– Нет уж. Пока домой не доберемся, никому ничего говорить не будем. Даже нашим. Мало ли чего? – переменился в лице Семен Аркадьевич.

Все обошлось. Домой отец и сын добрались без особых приключений, если не считать того, что едва не опоздали на поезд: запутались во времени из-за разницы в часовых поясах.

После возвращения Якову потребовался длительный курс реабилитации у психолога.

Его маме – жене Семена Аркадьевича, вскоре, вполне удачно, сделали коронарное шунтирование, и все было бы хорошо, но сам пожилой человек, расслабившись после месяца тревожных ожиданий и жутчайших переживаний, был скошен инсультом и радовался уже тому, что тот не свалил его раньше, где-нибудь в дороге.

Долго, очень долго, но «медленно и верно», семья собирала свои силы воедино: работа с психологом со временем вернула Якова в нормальное жизненное русло, мать его после операции стала чувствовать себя лучше не бывает, да и Семен Аркадьевич сумел неплохо восстановиться после пареза левой половины тела, но вот играть на скрипке, как раньше, он уже не мог. Однако, психолог, к которому обычно направляют постинсультных пациентов, очень просила его не бросать своих занятий.

Семен Аркадьевич чуть не плакал, когда поначалу даже этюды для третьеклашек у него выходили коряво, со скрипом. Но невестка Ирочка, вплотную занявшаяся его лечением и восстановлением, не давала расслабиться ни на минуту, и через какое-то время звуки, извлекаемые из инструмента, стали походить на музыку, пусть простенькую, для малышек, но и это было уже значительным успехом.

Невестка Семена Аркадьевича перевелась со службы в колонии в обычную районную поликлинику, потому что, по ее собственным словам, боялась ненароком прибить кого-нибудь из бандюганов после случившегося с ее мужем. На самом же деле она бросила все свои знания и умения на то, чтобы привести в порядок здоровье своих близких.

Пусть с горечью, приправившей после известных событий сердца четырех родных людей, нарушенное однажды мирное течение их жизни продолжилось...

26.02.2015 г.

«Не хочу...»

«Не хочу. Ничего не хочу... Отстаньте... Все... – с трудом удерживал в голове обрывки мыслей Михаил или Мойша, как иногда в шутку называла его мама, а с недавних пор еще и Михайло, по версии вновь обретенных друзей. – Мысли! Ох уж, эти мысли... Ну, сколько ж можно-то? Не хочу!»

Похоже, отпускало. Еще недавно одержимость радостью уничтожения всего и вся замещала боль, а полное отсутствие каких-либо дум освобождало от необходимости осознавать сотворенное...

Но вот опять... Они пришли... мысли...

Михаил хорошо знал, что вот-вот... и взорвется болью тело, но еще большей болью отзовется-заноет душа.

«Лэся... Что же ты наделала, Лэся? Я ведь так тебя любил... люблю... Зачем же ты так? Зачем меня... сепаратистом? Я же свой. Я же все для тебя! А ты...» И вот уже мышцы подобрались, приготовившись принять порцию разрушающего болевого удара, в голове заныло предупреждающе, пока лишь пугая подступающей мучительностью.

«И с родителями... я ради тебя. И с нациками... в Одессе, и здесь, на Донбассе. Я же в чудовище превратился, Лэся! По детям стрелял, по старикам! Ну какие ж они-то сепары?! А-а-а!!!» Боль ворвалась, как обычно: неожиданно, громко, круша и ломая все в организме Михаила.

«Я же с первых дней с тобой. Весь Майдан вместе, – упорствовал он в нежелании отдаваться на милость страданий. – Ну, вспомни, как это было здорово! Ты же любила меня тогда. Хвалила все время. Гордилась...» Боль оборвала ход мыслей молодого человека, он завыл, закричал.

Словно во сне услышал: «Михайло відпустило. Вколи йому ще дозу!»

Миша вырос в дружной интеллигентской семье, по национальной принадлежности смешанной: мама – украинка, отец – одессит со всеми вытекающими, а если сказать точнее, был он евреем. Мальчик носил фамилию матери – Гомилко, потому что в свете последних тенденций в Украине лучше было именоваться украинцем. Всем остальным следовало скромно взирать на выходки свидомых.

Фамилия выручала Мишу не раз. Внешне очень похожий на отца: худой, высокий, черноволосо-курчавый, горбоносый – парень нахватал бы немало «люлей», если б не украинская фамилия. Благодаря материнскому «подарку», «в один незапамятный» он сблизился с местными националистами, которые все же подозревали в нем «жидяку», но как «земеле» прощали ему это.

Несомненно, в Мишиной просвещенной семье дружба с одиозными группами подростков не приветствовалась. Но в последнее время риторика в обществе стала таковой, что в каком-то смысле это было даже на руку парню. По крайней мере, он мог спокойно ходить по улицам, не рискуя быть избитым молодчиками из Правого сектора.

Именно в тот период отношения в Мишиной, еще недавно любящей и благополучной, семье разладились. И все из-за нового подхода к исторической науке в родной стране. Отец – страшный библиофил, перечитавший, казалось, все книги по истории, – был убежденным приверженцем старой, советской, трактовки давнишних событий, а мать – киевлянка, экономист новой формации, читающая по большей части книги по профессии, – отслеживала все телевизионные программы и шоу, посвященные новому взгляду на прошлое.

Михаилу пришлось выбирать не только версию исторической науки, но и родителя, с которым было проще находить общий язык. Несмотря на то, что он читал и уважал отца, это

не помешало ему поверить новому, официальному, трактованию хода истории. По его глубокому убеждению, не могло быть враньем все то, что ежедневно в школе, а потом в университете, на всех ТВ-каналах и в печатных изданиях говорилось о Советском Союзе и нынешней России, где, по версии официальных киевских заправил, историю преподносили тенденциозно, скрывая нелицеприятные факты голодомора и другие примеры геноцида украинского народа, замазывая грязью истинных героев Украины. Ну не могла Русь, по мнению многих, просто так называться Киевской. И почему бы после этого ему, простому одесскому школьнику, а потом студенту, не поверить слово несущим и власть предрежащим?

Нет. Не могло все быть вымыслом, коли уж даже его высокообразованная мама, обучавшаяся у лучших западных экономистов, приняла вновь созданную летопись страны за истинную. К тому же, в подтверждение недавних тенденций в описании исторической науки, самые именитые украинские ученые отыскивали все новые, по их мнению, неоспоримые факты. На глазах Миши и его друзей рождалась новейшая история их настрадавшейся за годы сосуществования с Россией Родины. Потому и в скандировании обидных для русских речевок, и в свастиках, равно как и в факельных шествиях, Миша не увидел ничего зазорного. Это было даже весело. Правда, немного глупо выглядели все эти подсакивания и бесконечные выкрикивания одних и тех же лозунгов, но попробуй только не ответить: «Героям слава!» – зубы с асфальта собирать будешь. Впрочем, на дворе стояла осень, а впереди маячила зима – жары не было, поэтому для «сугреву» можно было и поподпрыгивать немного.

Отцу своих размышлений на сей счет Михаил озвучивать не спешил. По его мнению, державшийся за старые, отжившие свой век совковые представления о мире, родитель не понял бы его и, тем более, не одобрил бы. А вот с мамиными Мишины взгляды совпадали полностью, поэтому они частенько вместе проводили время возле телевизора во время исторических дискурсов.

Оба Мишины родителя по разным, правда, причинам страшились перемен. В крови и генах отца, так же, как и у всех его соплеменников, была «защита» программа выживания в любых обстоятельствах вследствие вечных гонений на многострадальный еврейский народ со стороны радикальных представителей других наций и конфессий. Мать же считала, что сыну в полной семье будет куда как лучше, поэтому разводиться близкие люди пока не спешили, хоть и сцеплялись в поисках истины не просто ежедневно-ежечасно, но и ежеминутно. Возможно, поэтому сын и бежал от них как черт от ладана к любому, кто не воспитывал и не читал нотаций.

Зато в оценке его нынешних друзей родители были единодушны – приятели не могли довести Мишу ни до чего хорошего. И когда началась активная фаза событий на Майдане, даже мать, патологически боявшаяся толпы, приняла в штыки выступления против правоохранителей, однако это происходило больше из страха за сына. Не желала она отпустить его от себя, тем более, так далеко – в столицу, да еще и в столь непростое для страны время. И может статься, смогла бы удержать дома, если бы не Олесь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.